

Вечер в квартире старого московского дома. Мы сидим в гостиной на диванчике и беседуем. Тихо. Вокруг меня словно бы замер целый мир. Как часто, еще в детстве, я пыталась его себе представить. Мир Сергея Образцова, замечательного кукольника нашего времени.

Молча смотрят на меня с фотографий глубокие, удивительно красивые глаза Ольги Александровны Шагановой, жены Сергея Владимировича, актрисы Второго МХАТа. А рядом, на резном деревянном столике, молчат старинные часы — ее подарок мужу. В кабинете в больших застекленных шкафах — бесчисленное множество книг. И, конечно же, самое главное богатство этого дома — куклы. Вместе с ними по соседству застыли на стене и смотрят куда-то в пустоту диковинные эзотерические маски. Сергей Владимирович говорит, что эти маски — прямые родственники современного кукольного театра, который родился, кстати, гораздо раньше «человеческого», от «незарегистрированного брака ритуальных масок и кукол»...

Я оглядываюсь по сторонам и думаю о том, что весь этот мир — его безбрежная живая память, так необходимая ему сейчас. Потому что есть в жизни вещи незаменимые, над которыми не властно даже время. С годами они становятся еще дороже, чем были когда-то...

ДЛЯ меня наше нынешнее время — самое тяжелое в жизни. Мне сейчас очень грустно. Я просто не могу понять, что творится вокруг. Хаос, неразбериха. Куда-то исчезает все самое необходимое. Люди теряют спокойствие и элементарное человеческое благоразумие. И все это оттого, что мы в одночасье потеряли веру, с которой жили много лет. Потеряли свою основу. А взамен ничего не приобрели. И вот это отсутствие веры уже принесло нам слишком много бед.

Сейчас под угрозой наш Союз. Я лично не могу себе представить, как будут отделяться от Союза республики, как они собираются жить дальше. Ведь жизнь в одиночку непомерно тяжела, просто невозможна. И я радую за то, чтобы все вернулось на круги своя.

Да, мы очень долго верили в коммунизм. Я тоже в него верил, хоть и прожил всю жизнь беспартийным. Ведь сама идея коммунизма, по сути своей, прекрасна. И она не нова. Ее корни берут свое начало в глубоком прошлом. Эта идея во многом созвучна старинным христианским заповедям о добре и милосердии. Но во что же мы ее превратили, сколько во имя этой идеи сотворили жестокости! И в конце концов сами же в коммунизме и разуверились. Сейчас мы не верим почти ни во что. Поэтому нам так трудно.

— Но вера все-таки есть в людях, вы не правы. Многие вновь обратились к религии...

— Или ударились в мистику. Такое уже было в нашей истории. В 1905 году. И вот снова расцветают пышным цветом всевозможные гадания, предсказания, прогнозы. Люди повально верят в колдунов и магов. И это печально.

Я лично никогда не был приверженцем церкви и никогда не верил ни в какие сверхъестественные силы. Сама философия Христа, его непротивление злу мне очень близки. Но опять-таки сколько под ее эгидой творилось несправедливого!

Единственное, во что мне хочется верить — это в самого человека, в его неограниченные способности, в его доброту и любовь. В нашем спектакле «Божественная комедия» есть такой эпизод. Бог изгоняет Еву из рая за то, что она съела яблоко с древа познания добра и зла да еще угостила этим яблоком Адама. И вот Ева отвечает Богу: «Ну и хорошо, уйдём. Зато хочется что-нибудь делать, будем делать. Хочется фруктов — съедем. Хочется детей — родим».

Бог Еве говорит: «Хлеб свой насыщенный в поте лица добывать будете». А Ева отвечает: «Так он вкуснее». Бог ей: «Детей будете рождать в муках». А она: «Потерпим».

Вы знаете, когда Ева произносит эти слова, женщины в зрительном зале начинают аплодировать. Казалось бы, с чего? Ведь говорится-то о

вилу, уже не возвращается. Мне всегда было горько оттого, что в подобных ситуациях чаще всего страдают женщины. Причем женщины, достойные самых нежных, искренних чувств.

— Так, значит, все-таки любви нет?

— Неправда. Она есть. Просто она опять же зависит от самого человека.

Передо мной всю жизнь был пример настоящей любви — мои родители. Я больше нигде и никогда не видел, чтобы люди так любили друг друга. Изюм в день. И чувства их с годами не старели. Причем я понимал, что очень многое исходит от моего отца. Сколько же в нем было нежности, терпения,

А потом, когда появился наш театр, негритенок сыграл главную роль в спектакле «Джим и Доллар». Это была первая в моей жизни постановка.

— Вы стали первооткрывателем в истории отечественного кукольного театра...

— Это не совсем так. К тому времени, когда родился наш театр, а было это в начале 30-х годов, в Москве уже существовали другие театры кукол. Помню театр Книги на Петровских линиях. Еще был кукольный театр Красной Армии.

Но все-таки, первооткрывателями мы в какой-то степени были, для самих же себя. В первые дни существования нашего театра я про-

Аристофана не ставил. Если бы ставил, не был бы Шекспиром. Я очень люблю классиков. Люблю Чехова. Но мне всегда хотелось быть его последователем, а не подражателем.

Вот так, в самом конце войны, у нас и родился замысел нашего «Необыкновенного концерта» (тогда он еще назывался «Обыкновенным»). Фронтвая программа, с которой мы выступали в войну, по-настоящему раскрывала для меня сатиру. И расставаться с ней не хотелось. Мы решили сделать пародию на штампованных исполнителей сборных концертов. Я эстрадник. Я знаю их наизусть. И конференсье, и четочничков, и классических певцов... Номера для нашего концерта выдумывали все вместе. Нам помогал Зиновий Гердт, тогда еще игравший в нашей труппе. А артист и писатель Александр Михайлович Бонди сочинял смешные объявления для будущего конференсье. Помню первые фурор спектакля и телеграмму от руководителя Ленинградского театра комедии Николая Акимова: «Поздравляю и подло завидую». Мы показали «Необыкновенный концерт» чуть ли не всему миру. И везде он проходил на «ура». Наверное, потому, что этот спектакль по-

Работа в трибунах - 1991 - Запр.

Сергей ОБРАЗЦОВ:

Круг общения

«ЛЮБОВЬ НИКОГДА НЕ ИЗМЕНИТ»

боли человеческой. Но боль эта для женщины не горе вовсе, а радость — потерпеть, перестрадать, чтобы открыть мир новому, дорогому человеку. А часто ли мы сейчас об этом задумываемся? Мы постоянно слушаем о бедствиях в экономике, о хитросплетениях в политике. Эти темы ежедневно проникают в нас, отзвываясь в сердце уже привычной тревогой и болью. Но, скажите мне, много ли за все это время мы думали о любви? О любви друг к другу, к женщине, к детям? А ведь это единственное, что держало и будет держать человека во все времена. Единственное, что никогда не изменит.

Любовь — чувство сложное и необыкновенно прекрасное. Настолько, что многим оно кажется даже неземным. Но вместе с тем это самое что ни на есть земное чувство, чувство каждого дня, порою неброское, незаметное. Помню, однажды моя хорошая знакомая, удивительно добрый человек, вешала шторы на окно, нанизывая колечки на большую тяжелую перекладину. Внезапно перекладина сорвалась и больно ударила ее по голове. «Господи! Я никого не защибила?» Она сказала это с такой тревогой, будто была глубоко повинна в чьем-то несчастье. Я был потрясен. Собственной боли для нее не существовало, она о ней даже не вспомнила... Такой, казалось бы, обычный, даже обыденный эпизод. Но каждый ли в подобной ситуации повел бы себя так же?

— Сейчас мало кто по-настоящему понимает, что любовь, доброта — это постоянная работа души и ума, такая же, как внутренняя работа человеческого организма, необходимая ему, чтобы жить. Любовь дана человеку природой, и ее нельзя сбрасывать со счетов. Но нам проще и удобнее обманывать самих себя и говорить, что любви нет...

— А еще очень часто путают любовь и влюбленность — два совершенно различных состояния души, во времени не совпадающие. С влюбленностью все начинается, с чувства сильного, но недолговечного. Ему на смену приходит верная, незыблемая любовь. Но человек устроен удивительно! Познав свою силу и прелесть любви, ему хочется вновь и вновь испытывать влюбленность. И если он сразу не остановится в этом порыве, удержать его потом будет трудно. К прежней любви он, как пра-

такта! Мой отец женился на маме, когда ему было двадцать пять лет. Он был инженером-путейцем, впоследствии крупным ученым. А мама основала женскую гимназию в Сокольниках. В то время я был еще очень маленьким. Но именно тогда моя мама, сама того не подозревая, определила мою будущую судьбу.

— Как это произошло?

— Однажды она подарила мне куклу. Вернее, это была даже не кукла, а маленькая целлулоидная головка и халатик. Головка надевалась на указательный палец. Звали куклу Би-ба-бо. Мама купила ее в японском магазине на Кузнецком мосту. Потом головка куда-то потерялась. И я вспомнил о Би-ба-бо только спустя несколько лет, когда стал студентом ВХУТЕМАСа — так называлась тогда бывшая Школа живописи, ваяния и зодчества. И вот вместо целлулоидной головки Би-ба-бо появилась новая, с физиономией негритенка. Я сделал ее из черного детского чулка и кусочка драгого каракуля от папиного форменного воротника. Вместе с этим негритенком мы потом много выступали на эстраде. Я цел известные тогда романы и сам же их иллюстрировал, точнее скажу, «опрокидывал», смеялся над ними. Частенько это были цыганские романы.

сто не знал, с чего начать, не мог придумать ничего толкового. Тогда мне казалось, что куклы не должны играть то, что могут хорошо сыграть люди. И я принялся искать «нечеловеческие» пьесы. Нашел. Начали репетировать. По всем правилам, по системе Станиславского: «зерно образа», «сквозное действие», «сверхзадача»... Естественно, ничего у нас не вышло и выйти не могло. Только со временем я научился отличать хорошие пьесы от плохих, научился работать с актерами и старался говорить со сцены о том, что происходит на самом деле, в реальной жизни.

— Вам это всегда удавалось?

— Всегда. Причем я все делал искренне. Помню, еще во время войны наш режиссер Виктор Алексеевич Громов грешил поставить «Сон в летнюю ночь» Шекспира. И не только он один — почти вся труппа об этом мечтала. Им хотелось хоть раз сыграть романтическую трагедию. А вот мне — нет. Мне хотелось чего-нибудь «сегодняшнего». Я слышал, как кто-то однажды сказал, что у классиков надо учиться быть такими же современными, какими они были в свое время. Замечательно сказано. И раз так, то, учась у Шекспира, не обязательно ставить Шекспира. Он же

лучился именно таким, каким мы его видели с самого начала: злободневным, «сегодняшним». А в те времена в театрах подобные пьесы были большой редкостью.

— Зато сейчас их появилось великое множество. И чаще бездарных, чем хороших. Мы впали в новую крайность. Но хочется верить, что еще у многих из нас сохранились в душе те незыблемые истины, которые не позволяют нам потеряться в этом огромном водовороте мнений, суждений, толков, помогут сохранить себя...

— Люди всегда стремились к счастью. И это стремление давало им огромную силу, способную вывести из самых сложных тупиков. Я лично в эту силу очень верю.

Для меня счастье прежде всего заключается в том, чтобы быть с друзьями. Мне повезло. Я знал многих прекрасных людей. Со мной всегда были мои единомышленники. И я хочу, чтобы в нынешней, такой не простой, жизни рядом с каждым из нас были по-настоящему добрые, хорошие люди. Я хочу, чтобы их становилось все больше и больше. Сейчас это особенно необходимо. Ведь на таких людях держится мир.

Беседу вела
Наталья ГОРОБЕЦ.